

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ГАЗЕТА

г. Москва

27 МАЯ 1988

УТИХЛИ последние аккорды старинного романса. Какая-то особая, проникновенная тишина воцарилась на несколько мгновений... Удивительных, неповторимых мгновений! На сцене — народный артист Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР, солист Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова Борис Штоколов.

После концерта певец любезно согласился ответить на наши вопросы.

— Борис Тимофеевич, что определило ваше призвание?

— Мои родители не были профессиональными музыкантами: мама — учительница русского языка и литературы, отец — военный. Но любовь к музыке и какое-то трепетное благоговение перед ней воспитали именно они.

Почти каждый день звучали в нашем доме народные песни, которые родители напевали под аккомпанемент гитары, — «Взял бы я бандуру...», «Распрягайте, хлопцы, коней!..», «Когда б имел златые горы...». Однако окончательное решение стать певцом сложилось не сразу.

Великая Отечественная война сначала забросила меня на Соловецкие острова. Потом служил в Кронштадте. Уже когда война закончилась, для дальнейшего прохождения службы был направлен в спецшколу ВВС. Занятия отнимали много времени, требовали больших усилий. И все же об увлечении своим я не мог забыть. Вечерами брал гитару, напевал знакомые мелодии: как-то легче, чище, светлее на душе становилось. Отца вспоминал: в 1942 году он погиб, защищая Родину...

Во время таких неофициальных концертов (а слушателей всегда хватало!) все больше чувствовал, что без песни мне не обойтись. В глубинах души нет-нет да и вставал вопрос: может, музыка — мое призвание?..

Ответил на него сам себе не сразу. Помог счастливый случай, о котором буду, наверное, вспоминать всю жизнь. Было это на выпускном вечере. Преподаватели, прекрасно знавшие о моем увлечении, попросили выступить. Ответственность большая: на вечере присутствовал легендарный маршал Жуков. Спел я «Грустные ивы...». «Эх, дороги!..».

К всеобщему удивлению, Георгий Константинович поздравил меня. При всех сказал:

— Таких, как ты, в авиации много. А в искусстве — вряд ли. Быть тебе певцом!..

И предложил тост за мое будущее.

Эти слова определили мою судьбу. В курсантской форме отправился я на родину, в Свердловск. Учиться.

— С юных лет ваш жизненный путь пролегал через испытания войны, трудности. А в консерватории — тоже было трудно?

— Еще как!.. Общего музыкального образования у меня не было, и среди своих одноклассников я стоял как бы особняком. На первых порах начисто

● В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

«ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА...»

разуверился в своих силах и возможностях. В оперных ариях, даже самых простых, не хватало дыхания, и голос «застывал».

Но вот однажды в консерваторию приехал Георгий Константинович Жуков. Попросил срочно меня разыскать. К сожалению, не мог я пока порадовать маршала успехами.

— Трудновато, солдат?.. — поинтересовался он.

— Трудно, товарищ маршал, — ответил я, покраснев.

И тут Жуков неожиданно порекомендовал мне устроиться в Свердловский театр оперы и балета... электриком.

— Зачем? Для чего? — недоумевал я.

— А чтобы специальность свою прежнюю не забывал, — пошутил маршал.

И вот в свободные от занятий часы я — электрик Свердловского оперного театра. Слушаю Павла Лисициана, Ивана Петрова... Шло время — я начинал заводить сам себе: ведь вижу и слышу известных певцов не так, как обычный зритель! За кулисами постигал доступные немногим секреты творческой лаборатории выдающихся исполнителей. Главный из них — не пренебрегать повседневным черновым трудом, упорным и кропотливым, трудом, в котором рождается артист. Вслушивался не только в арии, что звучали со сцены, — наблюдал почти за каждой репетицией. Не будет преувеличением сказать: театр стал для меня второй консерваторией. Он во многом помог в профессиональном росте.

Вскоре я пришел сюда уже в новом качестве — солиста оперной труппы.

— С тех пор прошло тридцать лет. Вы стали одним из ведущих вокалистов страны. Мельник, Иван Сусанин, Борис Годунов, Досифей, Демон, Андрей Соколов... В вашем исполнении эти партии прозвучали не только в СССР, но и во многих странах Европы, в Мексике, в Северной Америке... Среди этих партий, вероятно, есть наиболее близкая вам?

— Да, это Иван Сусанин. Некоторые считают: слишком уж проста опера Глинки, — дескать, что в сравнении с ней пронизанные вокальной виртуозностью произведения Россини или, скажем, Верди!.. Но ведь проста — еще не значит прими-

ча», — напеваем мы в дороге, дома, в кругу друзей... Но часто ли вдумываемся в смысл этих дивных строк? Русский романс — это драма в миниатюре. Тем сложен он. Тем и привлекателен для исполнителя...

Часто спрашивают о самом звучном мне, самом любимом романсе. Еще когда был мальчишкой-юногой, подолгу всматривался в тревожное ночное небо. Думал: может, и вправду есть в мирадах звезд заветная, счастливая? Про себя нашептывал: «Гори, гори, моя звезда...». Став певцом, я по-прежнему верю в нее — в мечту, что непременно сбудется. В магию подлинного творчества, перед которым все случайное блекнет!

— А чем вы увлекаетесь в свободные от трудов часы?

— Читаю творения мыслителей всех времен и народов — Сенеки, Сократа, Монтеня, Шекспира... С годами все чаще и чаще приходят раздумья о смысле всего, что тебя окружает, о той грани, что отделяет возвышенное от суетного.

Быть может, смысл жизни артиста — в извечной муке, постоянной неудовлетворенности собой, которая служит живительным истоком творчества?..

— Расскажите, пожалуйста, о ваших планах.

— Готовлю новую концертную программу. В ней центральное место займут знаменитые «Песни и пляски смерти» Мусоргского на слова А. Голенищева-Кутузова. Хотелось бы передать главную идею цикла — личной ответственности людей за свои дела и поступки. В символической форме тут скрыта мысль о человеческом братстве, единении: не разрушать надо, а стремиться к пониманию. Во все времена эта идея была актуальна, но сегодня — особенно.

— И последний вопрос: ваши, Борис Тимофеевич, пожелания читателям «Учительской газеты» — наставникам молодых?

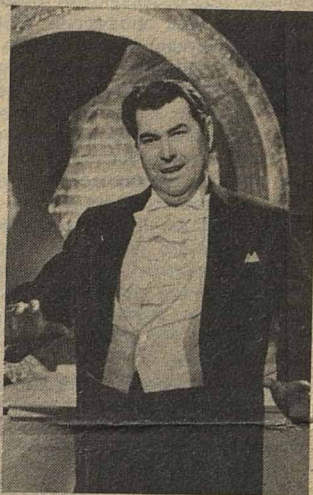
— Меня тревожит несколько снисходительное отношение взрослых к тому, что молодежь «поглотили» рок-ритмы, рассчитанные скорее на духовный ширпотреб. За звоном электрогитар и шумом ударных подросткам не слышно порой настоящего, большого искусства.

Пусть на уроках музыки, литературы, внеклассных занятиях учителя сделают все возможное, чтобы творения классиков дошли до разума и сердца каждого. К чему я об этом? Не правда ли, артист и педагог во многом схожи: они — воспитатели. Я тоже вижу свою цель именно в этом — будить стремление к прекрасному в людях.

Беседу вел
В. КОНДРАТЬЕВ.

г. Ленинград.

Фото А. ЛЕВИНА.

тивна. Сусанин прост и естествен во всем, как и его подвиг. «Чуют правду...». Эта ария из финала потребовала чрезвычайно напряженной работы от многих выдающихся исполнителей. В их числе — гениальный Шалпин. Не так легко «далась» она и мне. Тут и страх перед смертью, и скорбь несокрушимой души, и торжество Сусанина: пусть погибнет он, не сломить врагам русский народ во веки, и в этом — величайшая правда. В одной лишь реплике — сколько смысла, сколько подтекста! Сложно передать его...

— Почему, Борис Тимофеевич, в сольных концертах вы почти не исполняете арий из опер, отдавая предпочтение народной песне или романсу?

— Не люблю арий, которые «вырваны» из образного контекста опер. Без костюма, декораций, исторического окружения героя (что неосуществимо на концерте) артист вряд ли сумеет донести до слушателя глубины масштабных произведений Глинки, Бородина, Мусоргского, Чайковского...

А романс?.. Жанр в основе своей интимный, в нем одно действующее лицо — ты сам. «Только раз бывает в жизни встре-